УДК 82.09

ПРЕЛИМИНАРИИ К ТЕМЕ «АЗИЙСТВО ХЛЕБНИКОВА»

© Е.А.Силард

В статье намечаются подходы к рассмотрению «азийской» темы в творчестве В.Хлебникова.

Ключевые слова: азийство, азиатский, Азия, В.Хлебников, хронотоп.

«О, Азия, себя тобой я мучу...»
В.Хлебников

Об азийстве Хлебникова написано немало работ, что абсолютно не удивительно, поскольку сам он – при любой возможности – подчеркивал свой интерес к народам этого континента, противопоставляя его западничеству, с которым, кажется, особенно связывал суженность «пределов русской словесности». По крайней мере в одном из своих ранних манифестов Хлебников обрушил на русскую словесность множество справедливых упреков, в частности, в том, что «в пределах России она забыла про государство на Волге – старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами, Биармское царство... Из отдельных мест ею воспет Кавказ, но не Сибирь с Амуром, с его самыми древними преданиями о прошлом людей (орочоны)... Стремление к отщепенству некоторых русских народностей объясняется, может быть, этой искусственной узостью русской литературы. Мозг земли не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым» [1: 593], – так писал Хлебников в 1913 г.

Его творчество, на мой взгляд, свидетельствует о том, что он счел чуть ли не своей главной задачей, может быть, миссией [2], восполнить этот пробел. В автобиографической прозе «Свояси» (1919), посвященной некоторому подведению итогов, Хлебников выделил в своих творениях «славянские» и «азийские» голоса, обратив особое внимание на сверхповесть «Дети Выдры» (1911 – 1913): «Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазийское сознание в песнях» [3: 36][1].

Термины «азийское», «общеазийское» звучат здесь акцентировано, в чем Хлебников перекликается с Савицким, который – несколько позднее (отметим, что Хлебников независим от этого теоретика евразийства) – подчеркнул различие между эпитетами «азийский» и «азиатский», ссылаясь, кстати, на «Деяния Апостолов» (главы 19 и 20) [5: 84][2].

Исследований, касающихся внимания Хлебникова к народам «континента-океана», сейчас уже набралось такое множество (В.В.Иванов, Х.Баран, Г.Г.Исаев, П.И.Тартаковский и многие другие), что наступило, кажется, время для создания обобщающих трудов по этой сложной теме, требующей во всех отношениях более дифференцированного подхода. Нисколько не претендуя на исчерпывающую постановку вопроса, хотелось бы наметить основные аспекты, подлежащие изучению.

Прежде всего обращают на себя внимание горизонты охватываемого Хлебниковым материала, точнее – безграничность вовлекаемых в его творения пространственных, временных, этнических, языковых, культурно-исторических горизонтов увлекшего его материка-океана. Уже сверхповесть «Дети Выдры» тому свидетельство. Само жанровое определение текста указывает на широчайшие просторы этого творения, охватывающего пространства от Тихого океана до Сечи Запорожской и напластования времен, начиная периодом создания нашей солнечной системы (согласно сказанию орочей) и кончая разговором «в царстве мертвых» между предводителями пу-

[1] Ср. также: *Хлебников В.* Спор о первенстве [3: 647]. О том, что интерес Хлебникова к миру орочей был устойчив, свидетельствует «Окò» – обработка другой легенды орочей [3: 508 – 510], а также еще один фрагмент из размышлений Хлебникова-максималиста, приводимый Х.Бараном: «Если люди знают что-либо о звуке, то лишь благодаря (уму) знаниям простых и честных людей – манчжурских татар, которые донесли до нас предание старины, у них каждый звук азбуки отвечает определенному дню в месяце и сквозь азбуку просвечивает время месяца, а через звук положение земли, солнца и месяца. 28 звуков; земной куст не порвал с небесным» [4: 264]. Любопытно, что у Хлебникова преобладает эпитет «орочонский» [3: 508; 3: 503], в современной этнологии относящийся к другому народу (не орочи, а орочоны).

[2] В примечании Савицкий поясняет, что в «Деяниях Апостолов это слово пишется «асийский», но следует уточнить, что так оно фигурирует в русском переводе, в словацком же, например, оно пишется через «з» (Трнава, 2000 г.). Кстати, в апокрифе «История Иосифа-плотника» фигурирует сводная сестра Иисуса по имени Лизия или Азия (*см.:* [6: 598].

нических войн Ганнибалом и Сципионом о «Карле и Чарльзе» (т.е. Марксе и Дарвине), что отсылает непосредственно к современной Хлебникову эпохе и намекает на открытый им закон периодической повторяемости событий (т.е. «пунических войн» и их вдохновителей).

Этот сложнейше организованный хронотоп населен не менее сложно построенными персонажами, в которых мерцают то действующие лица, протагонисты и «эпизодисты» отдельных парусов (как автор назвал части своей сверхповести), то рассказчики, то зрители, и в каждом из них просматриваются качества самого автора, названного Сыном Выдры, прародительницы этого мира. Он представляет читателю-зрителю и другой текст, именуя его, как мы видели, древнейшим словом о мире «простых и честных людей – манчжурских татар», т.е. орочей, по представлениям Хлебникова, в древнейшие времена каким-то образом связанных с Енисеем, а затем и с Волгой[3]. Ряд сцен, образуемых 6-ю сценами-«парусами», которые ведут нас сквозь волны времен, в 3-м (т.е. серединном) парусе вводит одну из лейтмотивных в творчестве Хлебникова картин: «Сын Выдры думает об Индии на Волге. Он говорит: “Ныне я упираюсь пятками в монгольский мир и рукой осязаю каменные кудри Индии”» [3: 433].

Может быть, еще более открыто «широта нашего бытийственного лика» – т.е. азийского континента-океана – дала о себе знать в поэме «Хаджи-Тархан» (1913), зачин которой указывает на имитацию «слова песни кочевого» – песни «кочевника-мальчугана» [3: 245], посвященной тому городу в устье Волги, неподалеку от которого поэт родился и о котором – в разные времена по-разному – повторял: «...у устья Волги встречаются великие волны России, Китая и Индии... Астрахань – окно в Индию» [3: 617][4].

Показательно, что для поэмы об Астрахани Хлебников выбрал название этого города из золотоордынских времен: «Хаджи-Тархан», где первая часть словосочетания означает человека, который совершил «хадж» (т.е. паломничество в Мекку)[5]; вторая же часть – Тархан – в тюркоязычных государствах означала: «свободный от налогов», а в современном разговорном татарском языке значит: вольный, никому не подчиняющийся человек [10]. Таким образом, уже в самом названии подчеркнуто, что город этот в устье Волги представляет собой возможность вольного выбора пути (при том, что семантическое поле этого «двуумного» – «треумного» словосочетания предполагает несколько смыслов[6]). Что же касается каталогообразного набора историко-географических, культурологических и других ассоциаций, они указывают на открытость этого приволжского края временам и пространствам: будь то именование города – окном в Индию, Волги – ее старинным названием Ра, а ее окрестностей – «морским Египтом», «где смотрит Африкой Россия», будь то упоминание о том, что «здесь когда-то был Озирис», башни же намекают на Ассирию.

Особую роль в поэме играет внутритекстовое напоминание о «Казани страже – игле Сюимбеки» [3: 247]. Оно подчеркивает былую связь Астраханского ханства с Казанским и – соответственно – представляет форму азийского мира этих времен в виде овала, т.е. фигуры с двумя смещенными центрами: один из них – Хаджи-Тархан – близкий, хранящий память о предках автора и реально-бытовой, а другой – почти символический и на расстоянии – воинственно-защищающий[7].

Хотя в тексте перечень историко-географических реалий преподнесен «по закону окрошки» (если воспользоваться выражением самого автора), он позволил активизировать 4-ю координату – координату времени, ориентируясь таким образом на концепцию Минковского [13]. Кажется, именно потому «окрошечный» метод смешивания исторических реалий можно назвать – следуя сравнению, к которому прибегает Флоренский в статье «Время и пространство», – методом «на-

[3] Язык волжских татар «довольно близок к языку орхоно-енисейских надписей VIII – IX вв. [7: 6]. Вероятно, Хлебникову достаточно было созвучия двух именований: орхоны и орочоны.

[4] Ср.: «В Астрахани, соединяющей три мира – арийский, индийский и каспийский, треугольнике Христа, Будды и Магомета, волею судьбы образован этот союз» [3: 682]. У Афанасия Никитина фигурирует еще один вариант названия города: Хазътарахан, в котором легко просматривается форма Ас-Тархан, проанализированная в статье А.Парниса (с опорой на М.Фасмера и Е.В.Шнадштейна) [8].

[5] «…сильное арабско-персидское влияние объясняется старинными связями Среднего Поволжья с арабско-персидской культурой, окрепшими еще в эпоху Болгарского царства, задолго до возникновения Сарайского ханства» [9: 209].

[6] «Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной, “второй” смысл, когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны... – Это речь, дважды разумная, двоякоумная, двуумная» [11]. «Слово имеет тройственную природу: слуха, ума и пути для рока» [3: V: 188].

[7] Примечательно, что и падение этих приволжских ханств у Хлебникова обозначено совокупно: «... после падения Казани, Астрахани 1552 – 56» [4: 264]. О связи между этими ханствами см.: [12].

резывания ломтиков», поскольку «дробится на ломтики, нарезанные перпендикулярно ко времени, всякий конкретный образ действительности» [14], когда мы пробуем рассматривать его существование протяженным во времени, но вынуждены всего лишь фиксировать («фотографиями-кинокадрами») моменты-ломтики.

Вместе с тем эти «окрошка-ломтики» у Хлебникова воспроизводят акцентированное вступлением мальчишеское исполнение «слова песни кочевого», которое обусловило отсутствие требуемых литературно-эстетическими нормами «правильностей» в ритмике, мелодике и в структуре поэмы. В результате этот письменный литературный текст предстал перед читателем как текуче-подвижной сгусток «слова кочевого», прозвучавшего в «оазисе», лабиринте времен и народов, откуда возможны пути в разные концы света. Исторические основания для построения такого образа, разумеется, существуют: многие географы с древнейших времен отмечали, что города в устье Волги (сначала Итиль, потом Хаджи-Тархан или Ас-Тархан) находились на перекрестке путей: водного – из варяг к арабам, караванных: из Ирана в Биармию (Великую Пермь) и из Китая в Прованс [15]. Естественно, что будетлянская «имитация героического эпоса» по долгу жанра должна была быть весьма оптимистичной и рассказанное песней «кочевника-мальчугана», напоминая о «героических временах» как потенциальной основе широко открываемого будущего, может не соответствовать сообщениям историков. Примером этому служит, в частности, ироническая заметка Л.Н.Гумилева об Астраханском Кремле как факте «истории культуры» края: «Астраханский кремль представляет собой подлинное “археологическое бедствие”. Он был построен из татарских кирпичей, сделанных еще при Батые и взятых из развалин столицы Золотой Орды – Сарая. Но самое любопытное то, что при постройке Сарая использовались кирпичи из развалин столицы Хазарии – Итиля. Такова оказалась культурная преемственность в Поволжье» [16: 206][8].

Однако целевая устремленность поэмы Хлебникова требовала опоры на «героический эпос», пересказываемый «кочевником-мальчуганом». Задолго до рождения утопии «Ладомира», Хлебников предложил в «Хаджи-Тархане» перспективу братания «волгокаспийских» народов и их окружения, когда захиревшая Астрахань, сможет снова стать, подобно Хаджи-Тархану, «окном в Индию». Этому служит следующее упоминание: «Ломоносов был послан морем Ледовитым,/ Спасти рожден великороссов/ Быть родом, разумом забытым» [3: 248][9]. Этому же служит и весьма значительное восклицание в поэме (о котором нам напомнила книга Р.Ф.Мухаметшиной): «Ах, мусульмане те же русские,/ И русским может быть ислам./ Милы глаза, немного узкие,/ Как чуть открытый ставень рам» [3: 248].

В связи с этим необходимо ввести небольшой фактографический комментарий. В 1910 году Хлебников опубликовал статью «Опыт построения одного естественнонаучного понятия», в которой предложил различение между понятиями «симбиоза» и «метабиоза», а также их экстраполяцию на жизнь социума [18]. Приведенный выше пример – одно из ярчайших проявлений установки Хлебникова на утверждение азийского симбиоза (в отличие от «западнического метабиоза»). Однако, возможно, осознавая некоторую преувеличенность своего проповеднического пафоса, Хлебников вводит в концовке поэмы «Хаджи-Тархан», как и во многих других творениях такого типа, игровую интонацию, указывающую на амбивалентность представленного в ней описания. Об этом свидетельствует уже вводящее фразу восклицание «Ах!»; о том же свидетельствует концовка-финал поэмы, который, кстати, напоминает о некоторых наблюдениях Афанасия Никитина в его «Путешествии за три моря». Финал поэмы представляет жизнерадостную картину, освещаемую легкой улыбкой: «Широкий парус, трепеща,/ Наполнен свежею моряной,/ Везет груз воблы и леща./ Водой тот город окружен,/ И в нем имеют общих жен» [3: 249].

И тем не менее именно «оазис» Хаджи-Тархан (вместе с непременно присутствующим напоминанием об отдаленно-близкой башне Сюимбеки) рисуется эпицентром азийского мира, или – если угодно – городом-центром той паутины, развертывание которой как разумное проявление природно-структурирующих законов Хлебников описал в диалоге «Учитель и ученик».

Важен в этом отношении и прозаический текст «Есир» (1918 – 1919), где устье Волги, точнее средоточие Астраханского края, названное не прямо, а метонимически, через упоминание

[8] Противоположный пример – новейшая географическая карта для школьников (учебное пособие), где попросту значится, что город Астрахань (как впрочем и многие другие на Волге) «построен во второй половине XVI века.

[9] М.Бахин в статье «Проблема материала и формы в словесном художественном творчестве» отмечает, что «Хлебников сродни Ломоносову» [17: 449].

безлюдного острова Кулалы. Астрахань предстает эпицентром окружающего мира благодаря насыщенному деталями рассказу о перипетиях судьбы главного героя, «морского ловца» по имени Истома. Полагаем, что в этом имени возможность русскоязычной семантизации примечательным образом сочетается с намеком на имя Истеми, как известно, одного из первых вождей тюрков и нескольких каганов [19]. Характерную для Хлебникова вибрацию смыслов создает здесь тот факт, что этот русский сын рыбака и вместе с тем носитель «почти-имени» Истеми-хана, оказавшись есиром, т.е. «невольником и рабом», перепродаваемым и переходящим из рук одного азиатского народа в руки другого, достигает далекой Индии чудес, где становится сикхом.

Обращает на себя внимание то, как Хлебников, в отличие от большинства своих собратьев по перу, стремится показать этот развертываемый перед мысленным взором читателя азийский мир во всем его разнообразии и дифференцированности: я имею в виду даже не описание деталей (например, башенных ворот) города или почти по-гоголевски переданную красочность костюмов «живописных женщин Востока», и даже не различие между разинцами и Кришнамурти, которых Хлебников сводит в этом хронотопе. Прежде всего это дифференцированность этносов не многими в такой степени различаемых: старообрядцев-поморов, разинской «повольницы», степных всадников-работорговцев, калмыков, поклоняющихся «Великому Чингизу» и Тенгри, кизгиза, распевающего «Кудатку-Билик», жителей горного аула, где старик-горец беседовал с Есиром «и делил с ним свой кусок сыра, лечил его ноги», наконец – «большой караван рабов, где были грузины, шведы, татары, русские, один англичанин», красавица-полячка. С такой же обстоятельностью описан в «Есире» и мир разнообразнейших традиций и верований Индии, и хотя историки и этнологи, несомненно, обнаружат в хлебниковском описании этих миров немало неточностей, думаем, важнее этого хлебниковское стремление представить необычайное культурное разнообразие этой части азийского мира (и может быть, заставить поработать над его творениями армию комментаторов, что и происходит, к сожалению, не всегда безошибочно).

Перейдем к итогам: пройдя путь, который позволил Истоме пережить встречи со столькими народами, столь различными культурами и религиозными верованиями, и даже стать сикхом, сын рыбака возвращается на свой безлюдный остров в устье Волги, где, однако, не находит ничего, «кроме сломанного весла, которым когда-то правил», что открывает следующий, запредельный повествованию круг его странствий. Об этом повествуют последние слова текста: «...грустно постояв над знакомыми волнами, Истома двинулся дальше. Куда? – он сам не знал».

Как мы уже подчеривали, в «Есире» Астрахань никак не названа (что «метонимически возмещено» названием близкого к ней и до наших дней безлюдного острова), но восторжествовавший в «Хаджи-Тархане» принцип взаимоналожения времен здесь достигает апогея, благодаря чему разновременные религиозные и культурные традиции, боги, святые и простые люди оказываются в ситуации диалога, побуждающего к выбору.

Название текста акцентирует смысл фигуры, воплощающей собой человека как подвижной время-пространственной единицы: волжанин-ловец Истома проходит путь, в котором сопрягаются полярности (как и в подчеркнутой текстом несовместимости его имени собственного – с именованием «Есир»): Истома-Есир начинает свой путь «странником поневоле», однако продолжает его «странником добровольным», и это странничество – как подчеркивается финалом текста – выносится в неизвестность. Такая открытая концовка говорит о многом, особенно если учесть, что «Есир» создавался уже после революции, когда будетлянство Хлебникова стало приобретать все более метафорические и утопически-обобщенные формы. В «Есире» это сказалось отчетливее всего в появлении Кришнамурти и в мотиве «бракосочетания» Волги с Гангом [3: 549 – 550].

В творениях последних лет горизонты текстов Хлебникова еще более расширились, в них все более отчетливо стали проявляться универсально-космические обобщения. Устремленность к футурологии все более явленно стала сочетаться с тенденциями сайенс-фикшн (и элементами научного предвидения), но в то же время стала давать о себе знать и большая, чем прежде, включенность в заботы о «повседневности» и о людях «обыденной жизни». Об этом свидетельствуют не столько даже недолгая работа Хлебникова в астраханской армейской газете «Красный воин» (сентябрь 1918 – февраль 1919) или попытка участия в неосуществленном журнале «Интернационал искусства» (1919) [20], сколько стихотворения, призывающие спасти голодающих на Волге. Хлебников написал их 4 одно за другим в 1921 году (равное им по энергии горечи в русской литературе вряд ли найдется, разве что одно малоизвестное стихотворение Крученых, опубликованное Геннадием Айги). Х.Баран, анализируя «стихотворные отклики Хлебникова на

ужасы голода в Поволжье» [21: 285], отметил «мрачную картину поздних произведений» поэта, упомянув, что «редкий момент надежды» вносит в нее «фантастический образ самопожертвования». Вместе с тем он, как и Б.Леннквист [22: 61], связал с этими событиями усиление в творчестве Хлебникова интереса «к мифам о смерти и воскрешении, умирании природы и ее обновлении» [21: 288].

К выдвинутым коллегами интерпретациям хотелось бы добавить, что, кажется, именно такими острейшими жизненными впечатлениями, как голод на Волге, вызван в творчестве Хлебникова и все более и более напряженный поиск выхода из историко-географических измерений в измерения мыслимые (описываемые соответственно «воображаемой» – в математическом смысле – геометрии Лобачевского и помечаемые знаком «нет-единицы»), а также космические, которые, однако, согласно Хлебникову, дают о себе знать и в повседневной жизни на земле. Их универсальный образ, приобретающий все более и более отчетливые очертания, призван сочетать свои внеземные проявления с земными, о чем говорит, в частности, специфически хлебниковский образ: «Я верю: разум мировой/ Земного много шире мозга/ И через невод человека и камней/ Единою течет рекой,/ Единою проходит Волгой» («Синие оковы»).

Метафоры движения волн как проявления разного типа энергий в творениях Хлебникова многочисленны и разнообразны: в их числе могут иметься в виду световые, звуковые, жизнетворящие, о чем говорится, например, в письме Хлебникова Каменскому: «Мы – новый род людлучей».

Однако с точки зрения предлагаемых здесь размышлений особенно интересны те наблюдения и высказывания Хлебникова, которые ориентированы на признание того, что все в мире, включая речь, подчиняется одному и тому же колебательному закону, а единицы мысли представляют собой «эпитеты мировых явлений» [3: V: 291]. Во многих отношениях предвосхищая идеи Уорфа и Сэйпера, Хлебников понимал язык как некую идеальную парадигму реальности, которая, подобно законам математики, позволяет структурировать (и тем самым в известной степени предопределять) эту реальность. Этим обусловлена языкотворческая деятельность Хлебникова, с помощью которой он стремился содействовать предстоящему единению мира, провозглашенному в «Ладомире». Уже многие годы она привлекает внимание исследователей, создавших немало ценных трудов, особенно о его словотворчестве (В.Григорьев, Н.Перцова, К.Соливетти и др.). Однако практически все работы касательно словотворческой деятельности Хлебникова опираются на используемый им материал славянских языков. Между тем демонстративное азийство Хлебникова решительно сказалось и в его языковом новаторстве, задача которого – «найти **единство вообще мировых языков**, построенное из единиц азбуки» (подчеркнуто автором – *Л.С.*) [3:37], что, насколько мне известно, практически не описано. Рассмотреть этот аспект языковой деятельности Хлебникова – значило бы коснуться непочатого края работы. Чтобы наметить ее горизонты, достаточно перечислить разнообразнейшие эксперименты в области лексики, которые Хлебников проделывал, опираясь, в частности, на довольно свободное оперирование тюркизмами, однако пусть этот сюжет станет предметом специального исследования.

* * * * * * * * * *

1. *Хлебников В.* Творения / под ред. и вступ. ст. М.Я.Полякова. – М.: Советский писатель, 1986. – 736 с.
2. *Ср.*: *Weststein W.G.* Velimir Chlebnikov (1885 – 1922): Myth and Reality. Studies in Slavic and Poetics. – Amsterdam: Rodopi, 1986. – Vol. VIII. – 593 p.
3. *Хлебников В.* Собр. произ. Велимира Хлебникова: в 5 т. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. – 1933.
4. *Баран Х.* К прочтению второго «паруса» «Детей Выдры» В.Хлебникова // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 255 – 269.
5. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Мир России – Евразии: антология. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 82 – 96.
6. Vangeli apocrifi. – Milano, 2007. – 598 p.
7. Татарско-русский словарь: в 2 т. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 1. – 726 с.
8. *Парнис А.Е.* К дешифровке одной мифологемы Хлебникова: от «острова высокого звездного духа» к «священному острову АССУ» // Russian Literature. – 2004. – № LV. – P. 353 – 370.
9. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991. – 320 с.
10. Татарско-русский словарь: в 2 т. – Казань: Магариф, 2007. – Т. 2. – 726 с.
11. Цит. по: *Weststein W.G.* Velimir Chlebnikov (1885 – 1922): Myth and Reality. Studies in Slavic and Poetics. – Amsterdam: Rodopi, 1986. – Vol.VIII. – 593 p.
12. *См.*: *Халиков А.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1989. – 222 с.; *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991. – 320 с.
13. *Minkowski H.* Das Relativitàtsprinzip. – Leipzig: Teubner, 1913. – 251 p.
14. *Флоренский П.А.* Время и пространство // Социологические исследования. – 1988. – № 1. – С. 101 – 114.

15. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азербайджан. книж. изд-во, 1991. – 312 с.
16. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. – М.: Экопрос; Прогресс, 1992. – 336 с.
17. *Бахтин М.* Собр. соч.: в 5 т. – М.: Рус. словари, 1996. – Т. 5. – 738 с. *См.*: *Бабков В.В.* Между наукой и поэзией: «Метабиоз» Велимира Хлебникова // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – № 2. – С. 136 – 147; *Адамов О.* Проявляющее проектирование и выход на всеобщий генезис форм у И.И.Леонидова // Studia Slavica Finlandesia. – 1999. – T. XVI.2.2. – P. 65 – 83.
18. *Халиков А.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1989. – 222 с. О первых вождях тюрков (Бумын и Истеми) *см.*: *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 278 с.; *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азербайджан. книж. изд-во, 1991. – 312 с.; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – 524 с.
19. *Парнис А.* Хлебников и неосуществленный журнал «Интернационал искусства» (1919) // На рубеже двух столетий: сб. в честь 60-летия А.В.Лаврова. – М.: НЛО, 2009. – С. 530 – 556.
20. *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. – М.: РГГУ, 2002. – 416 с.
21. *Lònnqvist B.* Xlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem Poét: A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. – Stockholm, 1979. – 368 p.

THE PRELIMINARIES TO THE THEME «THE ASIANISM IN THE WORKS BY V.HLEBNIKOV»

E.A.Szilard

The article is devoted to the approaches to the consideration of the presence of the Asianistic theme in the works by V.Hlebnikov.

Key words: Asianism, Asiatic, Asia, V.Hlebnikov, chronotope.

* * * * * * * * * *

Силард Елена Афиятовна – доктор филологических наук, профессор университетов ELTE (Венгрия), Sassary (Италия).

E-mail: szilard@uniss.it

Поступила в редакцию 01.06.2012